

Педагогические кадры школ дореволюционного мордовского края

В. Л. Житаев,

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории и этнологии
ФГБОУ ВПО «МГПИ им. М. Е. Евсевьева»
(г. Саранск, РФ)*

Земская интеллигенция, являясь частью социального слоя русской интеллигенции, была многообразна и неоднородна. Ее составляли земские врачи, статистики, агрономы и, наконец, учителя – самый многочисленный ее отряд. Его появление связано с учреждением и дальнейшим ростом земской школы.

Вопросы становления и формирования школьной интеллигенции дореволюционного периода практически не изучены, а возможности источниковой базы недостаточно реализованы. Изучение и анализ материалов, публиковавшихся в XIX–XX вв. о деятельности земства в области народного образования, позволяют получить интересную информацию о профессиональной и общественной деятельности земских учителей как отдельной группы земской интеллигенции и одновременно оценить их вклад в развитие народной школы.

Особенность, дающая основания рассматривать учительство как отдельную группу земской интеллигенции, состояла в общественном характере его профессиональной деятельности. Получив право на жизнь с появлением земских учреждений, учительство не состояло на государственной службе. Согласно Положению о земских учреждениях 1864 г., «для исполнения таких по делам земств обязанностей, которые по свойству своему требуют особых познаний и подготовки», земские управы могли приглашать посторонних лиц [13, 18].

В кадровой политике земских органов самоуправления в области народного просвещения можно выделить две основные фазы. Первая из них, более длительная по времени, не ознаменовалась какими-либо организационными мероприятиями и не имела в своей основе определенной концепции. Вторая фаза – конец 1860-х – начало 1870-х гг. – период становления системы подготовки педагогических кадров, создания институтов, через которые они готовились, осуществления первых попыток «повышения квалификации» учителей.

Обеспечение земством начальной народной школы учительскими кадрами в количественном и качественном отношении представляло одну из важных и трудных сторон школьного дела. Учитель был основателем и творцом дореволюционной школы, он являлся центром, на котором зиждились успехи народной школы.

Известно, что обеспечение земством начальной народной школы учительскими кадрами в количественном и качественном отношении представляло одну из важных и трудных сторон школьного дела. Учитель был основателем и творцом дореволюционной школы, он являлся центром, на котором главным образом зиждились успехи народной школы. В свою очередь, успехи школы во многом зависели от подготовленности учителя к педагогической деятельности, от его образования и общего развития, отношения к делу, личных качеств.

В подготовку грамотных людей, из которых впоследствии готовили учителей земские учреждения, огромный вклад внесло православное духовенство: «религиозно-нравственное образование народа издревле» было его делом [15, 24]. Кроме вероучения духовенство занималось и умственным развитием народа через распространение грамотности. Так, по крайней мере, было на Руси с самых первых шагов христианства по ее земле. К сожалению, во многих работах, касающихся народного образования, умаляются роль и значение духовенства в становлении и развитии грамотности в России, в том числе в мордовском крае.

Деятели русского духовенства – первые педагоги народного образования

Уже в самый ранний период христианства церковнослужители и служители монастырей обязывались учить народ вере и нравственности. Для исполнения правил христианской веры требовалось правильное понимание их, что было невозможно без достаточного умственного развития народа. И это прекрасно понимало духовенство, поэтому кроме обязанности вероучения оно брало на себя и обязанность распространения в народе грамотности.

Следовательно, с принятием христианства в России появилась необходимость в образовании, пусть даже в духе христианского вероучения. Поэтому, по словам В. Н. Татищева, князь Владимир «повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавал их по церквам священникам со причетники в научение книжное» [25, 73]. Дело народного образования, начатое князем Владимиром, продолжили его последователи, открывая специальные училища, в которых стали обучать детей. Главной целью этих училищ и обучения того времени была подготовка церковнослужителей и учителей, необходимых для народа, «только что просвещенного святым крещением, – учителей, которые впоследствии могли сами принять деятельное участие в деле народного образования» [25, 24].

Духовенство видело себя главным орудием распространения образования: «оно почитало первую и священную своею обязанностью внушать истинные понятия о христианской вере и нравственности» [15, 25], а выполнение этой обязанности было невозможным при неграмотном народе.

Надо заметить, что духовенство занималось народным образованием не только в первое время после принятия христианства, но и в последующие столетия. Это свидетельствует о том, что дело народного образования преимущественно было делом

духовенства, хотя были уже примеры участия в нем и других сословий. Например, в с. Чеберчино, ныне Дубенского района, была открыта вотчинная школа в имении Румянцевых. Учителем этой школы был «отставной лакей» Григорий Несторов. Как отмечал профессор А. В. Клеянкин, «вероятнее всего, он происходил из местных крестьян-самоучек и, будучи продолжительное время "домовым служителем" (лакеем), пополнял свои знания из книг, имевшихся в барском доме» [10, 37].

Духовенство видело себя главным орудием распространения образования: «оно почитало первую и священную свою обязанностью внушать истинные понятия о христианской вере и нравственности», а выполнение этой обязанности было невозможным при неграмотном народе.

О «ревности к распространению просвещения, о заведении училищ» на Руси говорил историк В. О. Ключевский [11, 78]; о распространении грамотности на Руси и о роли в этом деле духовенства рассуждал С. М. Соловьев [22, 89–90]. Даже в позднейшее время правительство и общество смотрели на духовных как на людей, единственно способных и обязанных поддерживать и распространять в народе грамотность.

Следует отметить и такой фактор в деятельности духовенства, как методы обучения грамотности детей разных сословий. Митрополит Михаил поучал учителей, чтобы они учили детей без принуждения, «учити ж их не яростью, не жестокостью, ни гневом, но радостовидным страхом, и любовным обычаем и сладким поучением, и ласковым разсуждением, противу коегождо силы, и со ослаблением, да не унывают, наипаче всегда прилагати им учение от закона Господня на пользу души же и телу для большинства же и подобных словес всячески ошаятися» [цит. по: 15, 31–32].

К сожалению, поучительный и достойный подражания пример обхождения с детьми впоследствии не стал соблюдаться. В употребление вошли розги и другие «побудители» к образованию как признак грубости и непонимания детской природы. Подобные меры строгости так укоренились в сознании учителей, что обучение грамоте без розги сделалось немыслимым.

Важную роль в распространении грамотности среди населения духовенство играло и в XIX в. Доказательством этому могут служить многочисленные церковно-приходские школы и школы грамоты, воскресные школы, в организации и деятельности которых самое активное участие принимали священнослужители.

А. Д. Артоболевский

В бытность И. Дамаскина епископом обширной Нижегородской и Алатырской епархии просветительство было одной из важнейших его забот. Священнослужителям он выдвинул требование – обязательно обучать своих детей грамоте. В 1784 г. им был издан указ, предписывающий всех детей священников «от осьми до пятнадцати лет» отдавать в семинарию или в духовные гимназии. Ослушников, нарушивших епископский указ, не допускал до должности священнослужителя. Подвергались наказанию и ученики, которые уклонялись от занятий: с родителей взимался штраф, а учеников-беглецов наказывали публично [3, 100].

В семинарии, где обучались инородцы, по распоряжению И. Дамаскина было введено преподавание татарского, мордовского и чувашского языков, которым занимался сам епископ. Учитывая многоязычность населения губернии, он увеличил количество учащихся из числа инородцев, в том числе мордвы. Изучали инородческие языки и русские учащиеся. По окончании семинарии многие ее выпускники работали учителями сельских школ. Им легче было обучать детей в школах, используя

родной язык учащихся для преподавания и лучшего усвоения материала.

Впоследствии стали возникать церковно-приходские школы. Их возникновение следует отнести к 1804 г., когда Святейший синод постановил «учредить в приходах училища по сношениям с епархиальными архиереями в тех местах, где есть такие священно и церковнослужители, кои могут преподавать учение» [цит. по: 4, 92]. Епархиальному начальству было вменено в обязанность располагать и поощрять приходское духовенство к заведению и поддержанию при церквях училищ для обучения крестьянских детей чтению, письму, молитвам и началам катехизиса.

В 1839 г. Синодом были составлены «Правила для первоначального обучения поселянских, в том числе раскольниковых детей», согласно которым обязанности его осуществления возлагались на приходское духовенство.

Сегодня сложно сказать, сколько было в то время на территории мордовского края церковно-приходских школ и работающих в них учителями священников. По данным училищных советов, в Пензенской губернии было 98 церковно-приходских школ, из них 7 находились в Инсарском уезде, 4 – Краснослободском, 3 – Наровчатском и 2 – в Саранском уезде [4, 163].

В Симбирской губернии до реформы 1864 г. числилось до 450 церковно-приходских школ [1, 1904 г., 85].

В начале XIX в. в с. Чеберчино Алатырского уезда Симбирской губернии действовала церковно-приходская школа, а в 1872 г. было открыто 2-классное училище [10, 60], где впоследствии работал учителем Алексей Степанович Пластов, происходивший из семьи священника мордовского села Суралей Ардатовского уезда Симбирской губернии. Образование он получил в Алатырской духовной семинарии, но, отказавшись от сана церковного служителя, стал народным учителем.

Немало труда положил для развития церковно-приходских школ протоиерей А. Д. Артоболевский, который с 1893 г. заведовал школой в д. Монастырской Саранского уезда, был законоучителем Зыковского начального училища. Пензенским епархиальным начальством ему была выражена благодарность «за отличную усердную службу и особенные труды» по обучению детей в местной школе. Он был награжден медалью «В память 25-летия церковно-приходских школ» [14, 38].

Другой священник, протоиерей П. А. Архангельский, долгие годы служил учителем в Нижнеомовском духовном училище, работая законоучителем в Краснослободском городском училище и мужской прогимназии, с 1884 по 1894 г. был наблюдателем

церковно-приходской школы. За деятельность в области народного образования и заслуги перед РПЦ он был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степени [14, 39].

Особо следует отметить большой вклад в дело народного образования А. П. Лавровской, которая, окончив Симбирское епархиальное женское училище (1888 г.), в течение 62 лет работала в Сабаевской инородческой начальной школе. Ее труд был высоко оценен Советским государством. Она была награждена двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [14, 327].

Весь исторический процесс развития Российского государства, в том числе мордовского края, подтверждает немалую роль духовенства в развитии образования, распространении грамотности среди народа. Всякая критика и умаление роли церковно-приходских школ в распространении грамоты в Российском государстве не имеют под собой реальной почвы.

Многие исследователи, анализируя вопросы становления преподавательских кадров школ дореформенной России, отмечали их малочисленность и неподготовленность в педагогическом смысле. В. С. Ивашкин считал, что причиной такого положения являлись экономическая отсталость мордовского края, низкий уровень его культуры, который «усугублялся русификаторской политикой царизма по отношению к малым народам» [7, 8].

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что мордовский край был отсталым в экономическом и в культурном отношении. Но в таком положении находились многие народы, населяющие Россию, ибо только в крупных культурных центрах создавались все возможности для получения не только определенных экономических, но и духовных благ. Именно здесь сосредоточивались все высшие и средние учебные заведения, посредством которых готовились кадры для экономики и народного образования. Периферии же оставались низшие и малое число средних учебных заведений: гимназии, реальные училища.

Низкий уровень подготовки учителей дореволюционного периода подчеркивал и В. И. Никулин,

отмечая, что «крестьянских детей обучали лица, часто не имеющие никакого отношения к педагогической деятельности и обладающие лишь элементарными познаниями в области образования» [16, 101].

Говоря о роли духовенства в привнесении грамотности в народную среду, не надо умалять его достоинства. Соизмеряя их со временем и эпохой, оно делало для населения столько, сколько могло и умело, сколько получало само. Больше от него и требовать нечего было, потому что нельзя дать другим то, чего сам не имеешь. Грамотность до появления земских учреждений не только не вывелась среди народа, напротив, очевидным образом усилилась, во многом благодаря именно духовенству.

Таким образом, весь исторический процесс развития Российского государства, в том числе мордовского края, подтверждает немалую роль духовенства в развитии образования, распространении грамотности среди народа. Всякая критика и умаление роли церковно-приходских школ и священнослужителей как первых учителей и воспитателей народа в распространении грамоты в Российском государстве не имеют под собой реальной почвы. Многие выпускники церковно-приходских школ по уровню грамотности и широте знаний могли бы поспорить с некоторыми выпускниками современных сельских школ.

Социально-экономическое развитие страны создало почву для организации школьного образования в общегосударственном масштабе. Для руководства учебными заведениями в 1802 г. было учреждено Министерство народного просвещения. Началось создание школьной системы образования, одновременно решались и вопросы подготовки педагогических кадров.

В начале XIX в. появились первые уездные училища – в Саранске, Инсаре, Темникове, Краснослободске, Наровчате, Ардатове и других городах, стала расширяться сеть начальных школ в сельской местности, открывались новые церковно-приходские школы. Одновременно росло число учителей, работающих в этих школах. Так, в Инсарском уезде были открыты начальные школы в Адашеве (1836), Шишкееве (1839), Шуварах и Иссе (1843) и др. [9, 161], в Ардатовском – в Атяшеве (1839), Лобасках (1841), Наченалах (1841), Козловке (1842) и др. [12, 157–158]. Учителями всех этих школ являлись священнослужители.

Краснослободское уездное училище начало свою деятельность 15 сентября 1808 г.

А. П. Лавровская

Учителем 1-го класса и рисования здесь стал студент С.-Петербургского педагогического института Михаил Антонович Левитский, окончивший Рязанскую семинарию, учителем 2-го класса – Иван Васильевич Барбашихов, уроженец Терской губернии из духовного звания, обучавшийся в Терской семинарии, а потом в С.-Петербургском педагогическом институте. В 1823 г. учителем 1-го класса министром духовных дел и народного просвещения был утвержден Краснослободской Владимирской церкви протоиерей Иоанн Васильевич Дубровский, окончивший курс в Пензенской семинарии [2, д. 69, л. 3 об.].

Приведенные примеры показывают, что в большинстве случаев учителями училищ являлись представители церкви или выпускники духовных училищ и семинарий. И это естественно, ибо светские учебные заведения, где бы готовились учителя, отсутствовали.

Деятельность учителя народной школы была многогранна, от него зависели качество и глубина обучения детей, на него были возложены обязанности заведовать народной библиотекой, руководить чтением читателей, рекомендовать те или другие книги.

В 1833 г. по распоряжению Пензенского гражданского губернатора было основано Инсарское приходское училище [2, д. 69, л. 13]. Заведующим был определен благочинный Инсарского Казанского собора протоиерей Иоанн Иванов, уроженец г. Инсара, человек духовного звания, окончивший богословский курс в Пензенской семинарии. Учителем стал священник того же собора Иван Алексеевич Юловский, уроженец Пензенской губернии, также окончивший Пензенскую семинарию. Законоучителем был священник г. Инсара Вознесенской церкви Алексей Иванович Сталыпинский, уроженец той же губернии, выпускник Пензенской семинарии. В 1834 г. здесь же стал работать учителем краснослободский мещанин Павел Иванович, сын Петерсонов, получивший образование в Краснослободском уездном училище [2, д. 69, л. 13, 13 об.].

По имеющимся данным о состоянии Пензенской дирекции училищ за октябрь 1844 г., в Саранском уездном училище работали 4, Краснослободском – 5, в Наровчатском – 5 учителей [2, д. 69, л. 169].

В ведомости управляющего Пензенской палатой государственных имуществ указывалось, что в

Инсарском округе в с. Сиалеевская Пятина учителем был священник Яков Хитровский, а помощником – диакон Степанов [2, д. 69, л. 21 об.]. В Ямшине учительствовал священник Виноградов, Шувах – дьячок Иван Воскресенский, Лемдяевском Майдане – священник Мельцанский. В заштатном городе Шишкеево учителем работал священник Поспелов, в с. Посоп – Снегурев, в Саранске – Рамзищев, в с. Кочкурово – Запинаев [2, д. 69, л. 21 об., 22, 22 об.].

По Наровчатскому округу училища были открыты в селах Покровское, Казенный Майдан, Качелаево, Янгузинский Майдан, Шадымский Майдан, Дубровки, Колояр. Учителями здесь служили священники Рождественский, Наровчатский, Филаретов, Доброхотов, Вимлянский, Разумов, в Казенном Майдане – ученик семинарии Никольский [2, д. 69, л. 23 об., 24 об.].

В Краснослободском округе училища были открыты в селах Девичий Рукав, Пурдошки, Селищи, Дубровки, Юнки, Синдорово, Ефаево, городах Краснослободске и Троицке. Учителями были священники Казанский, Милявский, Надеждинский, Архангельский, Перов, Селиванов, Надеждин, Милетонов, в Юнках (Мордовских. – В. Ж.) – диакон Григорьев [2, д. 69, л. 25 об., 26 об.].

Обучение детей государственных крестьян в сельских училищах было вверено исключительно сельскому духовенству под непосредственным наблюдением местного управления государственных имуществ.

Только священники-учителя могли считаться лицами, наиболее способными заниматься преподаванием, но они не были в состоянии выполнять успешно обязанности по школе в связи с многочисленностью своих обязанностей по приходу и по дому.

В очерках развития земского хозяйства Нижегородского земства, в частности, отмечалось, что «учителями в дореформенных школах были большей частью воспитанники духовных семинарий; за рекомендацией учителей Палата государственных имуществ обращалась в духовную консисторию» [21, 93].

Отсутствие в провинциальных центрах учебных заведений, которые готовили бы преподавателей для начальной школы, также влияло на состав педагогических кадров. Кроме того, невозможно было готовить учителей высшей или средней специальной педагогической квалификации через имеющиеся учебные заведения больших культурных центров, так как не было образовательного ценза для представителей края, делегируемых в эти учебные заведения. Например, в отчете за 1864 г. Пензенской палаты государственных имуществ отмечалось, что «и при настоящих средствах к развитию народного образования можно было бы ожидать лучших резуль-

татов, чем оказывается на деле, если бы сельские училища имели хороших и дельных наставников. Наставниками сельских приходских училищ состоят или местные приходские священники, или же воспитанники семинарии. Первые за исполнением прямой своей обязанности не могут быть постоянно в училищах, а последние не видят для себя никакой пользы быть постоянно сельскими наставниками, так как вознаграждение за труды получают очень и очень ограниченное. От этого происходит, что учителя часто оставляют должности и не стараются приобрести доверия крестьян, которые неохотно посылают своих детей в училища. Чтобы устранить этот недостаток, необходимо образовать для сельских училищ особых наставников и предоставить им особые права и преимущества, а вознаграждение за труд должно быть увеличено. Тогда действительно можно будет ожидать, что народное образование поднимется. Кроме того, следует разрешить поступление в наставники лицам всех сословий, но все-таки необходимо увеличить жалование учителям, без чего нельзя ожидать, чтобы наставники были люди дельные» [4, 101–102].

Говоря о низком уровне преподавательского состава и о том, что священнослужители мало времени уделяют обучению детей, К. Д. Ушинский отмечал, что «...не из нелюбви к своему приходскому духовенству народ не желает поручать ему своих школ. В этом случае народ руководствуется очень верной практической мыслью, справедливость которой уже не раз подтверждалась и многочисленными опытами. Как ни мало знаком наш народ со школьным делом, но все же понимает, что его нельзя делать кое-как и урывками, в часы, свободные от других главных занятий, что учитель школы должен отдавать все свое время школьному делу и что приходской священник никак не может этого сделать. Зная близко жизнь своего приходского духовенства, народ видит очень часто, что приходской священник и своего-то собственного сына не может сам учить, а сбывает его как можно ранее в городское училище» [26, 300].

Таким образом, учительские кадры дореволюционной школы составляли преимущественно представители священнослужителей различных рангов, за исключением малого числа не подготовленных к педагогической деятельности светских лиц. Не имея хороших педагогов, выпускники начальных школ не имели и глубоких знаний, чтобы продолжить свое обучение в учебных заведениях с повышенным уровнем, а в дальнейшем получить педагогическое образование и иметь право быть учителем.

Только земские учреждения, обладавшие правом заниматься школами и в какой-то степени влиять на кадровую политику, способны были в тот период заняться подготовкой кадров учителей.

Состояние кадров учителей земских школ мордовского края во второй половине XIX в.

Обеспечение начальной народной школы учительским персоналом в количественном и качественном отношении в XIX в. представляло одну из важных и трудных сторон школьного дела. Учитель начальной народной школы был и основателем ее, и творцом, и центром, на котором главным образом зиждились успехи школы. Все зависело от его подготовленности к учительской деятельности, от его образования, общего развития, от его отношения к данному делу и вообще от его личных качеств. «Личные качества учителя, его отношение к делу и образовательная подготовка в начальной школе вообще, и в сельской школе в особенности, имели несравненно большее значение, чем в учебных заведениях иного типа» [8, 167].

Личность учителя во все времена является одним из важнейших, если не самым важным фактором школьной жизни.

Деятельность учителя народной школы была многогранна, от него зависели качество и глубина обучения детей, на него были возложены обязанности заведовать народной библиотекой, руководить чтением читателей, рекомендовать те или другие книги. Учитель – один из организаторов и участников проведения народных чтений, дополнительных классных занятий и, наконец, один из главных участников просветительных начинаний.

Конец 1860-х – начало 1870-х гг. стали временем обновления народной школы, внедрения новых методов обучения детей, подготовки педагогических кадров. Для повышения качественного состава учителей школ использовались возможности проводимых учительских съездов, различных педагогических курсов.

Формирование самого многочисленного отряда земской интеллигенции – учителей, отмечала Н. М. Пирумова, связано с появлением и ростом земской школы [20, 45].

Большую роль в развитии образования в пореформенном мордовском крае сыграли В. Х. Хохряков (Пензенская губерния), И. Н. Ульянов (Симбирская

губерния). Благодаря стараниям В. Х. Хохрякова и И. Н. Ульянова готовились учительские кадры для национальных школ края. В частности, В. Х. Хохряков, будучи директором Пензенской учительской семинарии, куда принимались слушателями дети крестьян, в том числе девушки, содействовал поступлению в нее мордовской молодежи. Стремясь улучшить состояние школьного обучения среди инородцев, в 1879 г. он ввел для семинаристов из мордвы преподавание мордовского языка, принимал активное участие в составлении учебных пособий для мордовской начальной школы [9, 297].

В отчете И. Н. Ульянова о состоянии народного образования в Симбирской губернии за 1878 г. указывалось, какую подготовку имели учителя и учительницы, работающие в народных школах Ардатовского уезда. Например, в Жаренском волостном училище работал М. Марсальский, окончивший духовное училище, Козловском волостном – Н. Ховрин, окончивший уездное училище, Тархановском волостном – И. Пospelов – духовное училище, Болдасевском земском – М. Смирнов – духовное училище, Лобаскинском волостном – Н. Невский – духовную семинарию, Хлыстовском земском – Н. Гневушев – уездное училище, Маресевском земском – Н. Доброхотов – духовную семинарию, Косогорском земском – С. Розов – духовную семинарию, Найманском земском – Ф. Ягодинский – духовную семинарию, Атяшевском волостном – Ф. Пospelов – уездное училище, Игнатовском земском – И. Лукьянов – уездное училище, Шугуровском волостном – К. Сомов – уездное училище, Кечушевском земском – Н. Вознесенский – уездное училище, Каменском волостном училище – А. Хохлов, окончивший Порецкую учительскую семинарию [17, 83–244].

Таким образом, в 17 мордовских училищах 7 учителей окончили духовное училище или духовную семинарию, 9 чел. – уездные училища, и только один – учительскую семинарию.

В числе учителей, работавших в мордовских школах, отсутствовали лица коренной национальности. Однако это не значит, что среди учителей они вообще отсутствовали. Такие учителя были, и об этом говорят упоминания в числе обучающихся в Казанской, Пензенской и Порецкой учительских семинариях мордвы, чувашей, удмуртов и других инородцев.

Наиболее важным показателем, характеризующим педагогов при анализе их состава, является образовательный ценз учителей и учительниц.

В школах системы Министерства народного просвещения Тамбовской губернии среди учителей было

много выпускников Тамбовского Екатерининского учительского института, который был учрежден по особому положению с названием учительского института, но с программой и уставом учительских семинарий и относился к разряду низших учебных заведений. Анализ качественного состава учительниц показал, что среди них значительную группу составляли воспитанницы епархиальных училищ (30,05 %). На долю выпускниц гимназии, женского института и Петербургских учительских курсов приходилось 17,37 %. Вместе с тем учительниц со специальной педагогической подготовкой в школах Тамбовской губернии было незначительное количество (0,70 %) [8, 171].

В Спасском уезде из 25 учителей и учительниц с достаточной подготовкой были 35,71 % учителей и 37,50 % учительниц, тогда как в целом по Тамбовской губернии эти показатели равнялись соответственно 58,54 и 42,39 % [8, 172].

Конец 1860-х – начало 1870-х гг. стали временем обновления народной школы, внедрения новых методов обучения детей, подготовки педагогических кадров. Для повышения качественного состава учителей школ использовались возможности проводимых учительских съездов, различных педагогических курсов.

В 1874 г. вышло распоряжение министра народного просвещения графа Д. А. Толстого, в котором указывалось, чтобы «учительские съезды или, что то же, краткосрочные педагогические курсы... устраивались, по мере возможности, при местных учительских семинариях; чтобы руководителями и преподавателями были наставники семинарии и учителя начальных училищ, при участии директоров оных; чтобы программы и распределение занятий на съездах были составляемы педагогическими советами семинарий и чтобы деньги, назначаемые обыкновенно учредителями съездов на вознаграждение оных по соглашению с учредителями, были распределяемы между должностными лицами семинарий» [8, 36].

Открывались учительские школы, где готовились педагоги. В Спасском уезде функционировали две такие школы: женская в Кириллове и мужская в Виндрее. В них в общей сложности обучалось 73 чел. В числе учащихся были представители разных сословий: крестьян – 46, мещан – 8, духовного сословия – 12, дворян – 1, других сословий – 6 [24, 546]. Среди выпускников высшей начальной школы при Виндрейском железодобывающем заводе Спасского уезда был З. Ф. Дорофеев, который окончил затем Казанскую учительскую инородческую семинарию и долгие годы работал в начальной школе с. Польское Ардашево Темниковского уезда.

Учительские кадры начала XX в.

Большая работа по подготовке учительских кадров проводилась в XX столетии, в результате чего несколько улучшился качественный состав педагогических кадров в начальных народных школах. Например, в 1904 г. в Краснослободском уезде 5 учителей окончили курсы в учительских семинариях, 14 учительниц – курс средних учебных заведений, получили звание по испытанию 10 учителей и 32 учительницы [19, 11].

В 1907 г. учителей с педагогическим образованием в общей их массе было 8,1 %, а учительниц со средним образованием – 22,98 %.

Анализируя распределение учительского состава по образовательному цензу, согласно методике, предложенной Харьковским съездом по статистике народного образования и примененной в работах однодневной переписи 1911 г., можно выделить три группы педагогов. В первую входят педагоги, окончившие курс высших учебных заведений и получившие полное общее среднее образование в духовной семинарии, епархиальном училище или гимназии женской или мужской. Вторую группу составляют педагоги, получившие среднее специальное педагогическое образование на базе учительской семинарии. Наконец, третья группа – это получившие низшее педагогическое образование и общее ниже среднего. Сюда относятся те, кто выдержал специальный экзамен на звание народного учителя и прошел 2-летние педагогические курсы при городских училищах.

В Краснослободском уезде образовательный уровень учителей земских школ в первой группе составлял 45,9 %, во второй – 7,2, в третьей – 46,9 % [23, 32].

Интерес представляет образовательный уровень вновь поступивших в школы учителей, который говорит о степени их подготовленности к педагогической работе. Если в целом по Пензенской губернии значительное большинство новых педагогов пришли на работу с удовлетворительной подготовкой и только чуть более 24 % были с образованием ниже среднего, то в Краснослободском уезде общее среднее образование имели 82,1 % вновь поступивших, 3,6 – окончили учительские семинарии, 14,3 % имели низшее педагогическое образование и общее ниже среднего [23, 40].

На 1 января 1913 г. преподавателями в школах Краснослободского уезда работали 25 учителей и 88 учительниц. По образовательному уровню 11 учителей окончили учительскую семинарию, 3 – духовную семинарию, 1 – педагогические курсы, 10 – получили учительское звание по особому испытанию. Из числа учительниц 38 окончили гимназию,

И. И. Дубасов

З. Ф. Дорофеев

11 – епархиальное училище, 16 – прогимназию и 23 получили учительское звание по испытанию [18, 17].

Для сравнения: в Темниковском уезде в 1901 г. в народных училищах учителями с педагогическим образованием состояли 11 чел., или 20 % всего состава, со свидетельством из средних учебных заведений – 18, или 33 %, со свидетельством на учительское звание – 24, или 44 %, не имеющих права на преподавание – 2, или 3 % [6, 1901 г., 222].

В 1906/07 учебном году в Темниковском уезде в 56 школах работали 47 учителей (42 %) и 51 учительница (52 %). Как видим, число учителей и учительниц было почти одинаково. С педагогическим и средним образованием было 52 чел., или 53 % учителей и учительниц, с учительскими свидетельствами работали 44 педагога, что составляло 45 %. Остальные 2 % были без учительских свидетельств [6, 1907 г., 353].

Среди учителей было много талантливых педагогов, отдающих все свое время педагогической деятельности. В их числе можно назвать Алексея Кузьмина, проработавшего в Вознесенскозаводской школе в течение 26 лет, начиная с 1881 г., и Ольгу Ремизову, отдавшую Новопошатскому училищу 25 лет жизни (с 1883 г.).

В народных школах работали следующие учителя, имеющие педагогическое образование, окончившие Тамбовский учительский институт: Павел Романович Анашкин – Авкимановское училище, Алексей Иванович Ефимов – Мельсетевская школа, Павел Николаевич Предтеченский – Надежкинская школа, Александр Николаевич Алаев – Шокшинская школа. С институтским образованием в министерских школах работали Сергей Кириллович Ананьев, Андрей Григорьевич Орешкин – Ермишинская 2-классная школа, Николай Иванович Келоголов, Михаил Васильевич Сермякин – Сумерекская 2-классная школа, Федор Федорович Горлов и Михаил Степанович Комяков – Кадомское приходское училище [6, 222].

К 1 января 1908 г. в г. Темникове и его уезде, не считая церковных школ, было 64 начальных народных училища. В них работали 48 учителей (45 %) и 60 учительниц (55 %). Среди них педагогов по светским предметам с педагогическим образованием было 64 (59 %), с учительскими свидетельствами – 43 (40), без свидетельств – 1 (1%) [6, 1908 г., 88–89].

По имеющимся данным, к 1 января 1914 г. в штате всех начальных училищ Темниковского уезда состояло 176 учителей и учительниц, в том числе 44 мужчины и 132 женщины. По общеобразовательному уровню кадры педагогов выглядели следующим образом: учителей со специальным педагогическим образованием было 20 (11,4 %), учительниц – 66 (37,5 %); учителей со средним и начальным образованием – 24 (13,6 %), учительниц – 66 (37,5 %) [6, 1914 г., 304–305].

В 1904 г. в Ардатовском уезде во всей системе народного образования (в земских, министерских, церковно-приходских школах) было занято 120 чел., из них 59 мужчин (49,2 %) и 61 женщина (50,8 %) [1, 1904 г., № 10/11, 53].

По сословному положению из представителей привилегированных сословий работали учителями в земских школах губернии 10,3 %, министерских – 4,1, церковно-приходских – 3,0 %. Духовенство в земских школах представляло 19,9 %, министерских – 14,5, церковно-приходских – 36,1 %. Из представителей крестьян учителями работали в земских школах 44,6 %, министерских – 77,3, церковно-приходских – 51,5 %; купцов и мещан соответственно – 25,2; 4,1 и 9,4 % [1, 1906 г., № 3, 55].

Приведенные данные дают нам повод сказать, что среди учителей преобладали лица крестьянского сословия (50,7 %), затем шли лица духовного сословия (24,5), мещане и купцы (17,6), менее всего в числе учителей было представителей привилегированных сословий – всего 7,2 %.

Общая грамотность всех учителей по всем видам школ выглядела следующим образом: со специальным образованием – 16,2 %, со средним – 16,3, с низшим – 67,5 %. В целом по всем училищам преобладало число учителей с низшим образованием.

Определенный интерес представляет для нас то, какие учебные заведения оканчивали учителя школ. Из числа преподавателей земских школ 42,9 % окончили курсы в средних и специальных учебных заведениях, 57,1 % имели педагогические свидетельства.

В министерских школах 57,1 % учителей окончили курс в средних и специальных учебных заведениях, 42,9 % не окончили курса, но имели педагогические свидетельства.

В церковно-приходских школах окончившие средние и специальные учебные заведения составляли 3,4 %, имеющие педагогические свидетельства – 48,3, не имеющие свидетельств – 48,1 % [1, 1904 г., № 10/11, 80]. Таким образом, в земских школах среди преподавателей на первом месте были лица, имеющие только педагогические свидетельства.

В министерских школах 57,1 % учителей окончили средние и специальные учебные заведения, 42,9 % имели педагогические свидетельства.

В церковно-приходских школах насчитывалось только 3,4 % окончивших средние и специальные учебные заведения, тогда как 48,3 % имели только педагогические свидетельства на право преподавания и такой же процент был учителей, не имеющих такового свидетельства.

Среди учительниц в земских школах, окончивших средние и специальные учебные заведения, было 23,7 % от общего их числа, имеющих педагогические свидетельства – 73,7, и только 2,6 % учительниц не имели педагогических свидетельств.

В министерских школах все учительницы не имели педагогических свидетельств.

В церковно-приходских школах насчитывалось 28,6 % учителей, окончивших средние и специальные учебные заведения, 57,1 – имеющих педагогические свидетельства и 14,3 % не имевших педагогических свидетельств.

Таким образом, учителя в школах Ардатовского уезда по сравнению с учительницами имели более качественное образование.

В целом же во всех школах уезда в 1904 г. работало 24,8 % учителей и учительниц, окончивших средние и специальные учебные заведения, 59,0 – имеющих педагогические свидетельства и 16,2 % не имеющих свидетельств.

В сравнении с губернией в Ардатовском уезде было меньше учителей министерских школ, имеющих педагогические свидетельства (по губернии – 82,4 %), и учителей церковно-приходских школ, окончивших средние и специальные учебные заведения (по губернии – 13,5 %). Среди преподавательниц эти показатели несколько отличались. В земских школах по сравнению с общегубернскими показателями среди них было меньше учителей, окончивших средние и специальные учебные заведения, но больше имеющих педагогические свидетельства.

В церковно-приходских школах также было больше учителей с педагогическими свидетельствами.

Во всех видах школ в уезде по сравнению со средними общегубернскими показателями было больше учителей и учительниц с педагогическими свидетельствами (44,3 %) и не имеющих таких свидетельств

(11,9 %), меньше было учителей, окончивших средние и специальные учебные заведения (43,8 %).

Не все работающие в школах учителя имели одинаковые права на осуществление преподавательской деятельности. Одни из них окончили курс в специальных и средних учебных заведениях; другие, хотя и не окончили курса, получили по специальному экзамену педагогические свидетельства, и наконец, третьи не имели педагогических свидетельств и занимались учительской деятельностью по особому разрешению.

В 1910 г. в Ардатовском уезде в 62 начальных училищах работало 188 преподавателей, из них 60 законоучителей (58 священников и 2 диакона) и 128 светских лиц (33 учителя и 95 учительниц) [5, 165]. Таким образом, число учительниц преобладало над числом учителей (74 к 26 %).

Из общего числа преподавателей по образовательному цензу в процентном отношении картина выглядела следующим образом: со специальной подготовкой были 63,3 % (учителей – 11,7 %, учительниц – 51,5 %). Со средним и начальным образованием – 36,7 % (учителей – 19,1 %, учительниц – 22,6 %).

Следовательно, среди учительниц тех, кто имел педагогическую подготовку, было в 4,4 раза больше, чем среди учителей.

В первой группе преподавателей 19 учителей прошли курс в учительских семинариях, а 66 учительниц окончили педагогические курсы при Ардатовской женской прогимназии. Что касается второй группы педагогов, то в нее входили один учитель, окончивший курс в духовной семинарии,

и 17 учителей, получивших звание по экзамену. Кроме того, 17 учительниц получили образование в женских гимназиях и епархиальных училищах (8 и 9 соответственно) и 12 учительниц имели свидетельства по экзамену [5, 167].

Исходя из приведенных данных, заметим, что качественный состав учителей по сравнению с 1904 г. намного возрос и улучшился.

Таким образом, земством принимались определенные меры по расширению народного образования, увеличению числа школ и учащихся в них, обеспечению по возможности педагогическими кадрами со специальным образованием.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

духовенство и священнослужители; учителя и учительницы церковно-приходских и земских школ; низшие учебные заведения; учительские семинарии; педагогические курсы; учительские съезды; учительские школы; учителя национальных школ

the clergy and priests; teachers of parochial and district schools; primary schools, seminaries' teachers; teacher training courses; teachers' conventions; teachers' training schools; teachers of national schools

KEYWORDS

Поступила 28.01.2011

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вестник Симбирского земства. – 1904., 1906.
2. ГАПО. Ф. 81. Оп. 1. Д. 69; Д. 388.
3. Грачев, С. В. Роль русских педагогов и священнослужителей в просвещении мордовского народа // Очерки истории образования и педагогической мысли в мордовском крае (серед. XVI – начало XIX в.). – Саранск, 2001. – С. 100–103.
4. Двадцатипятилетняя деятельность Пензенского земства. 1865–1889. – Пенза, 1894.
5. Журнал Ардатовского уездного земского собрания. 1910 г. – Ардатов, 1911.
6. Журналы Темниковского уездного земского собрания. 1901 г. – Темников, 1902; 1908 г. – Темников, 1909; 1914 г. – Темников, 1915.
7. Ивашкин, В. С. Формирование советской интеллигенции Мордовии / В. С. Ивашкин. – Саранск, 1972.
8. Исторический очерк деятельности земства по народному образованию Тамбовской губернии. – Тамбов, 1904.
9. История Мордовской АССР: в 2 т. – Саранск, 1979. Т. 1.
10. Клеянкин, А. В. Земля отчая / А. В. Клеянкин. – Саранск, 1969.
11. Ключевский, В. О. Русская история / В. О. Ключевский. – М., 2010.
12. Кузнецов, П. И. Н. Ульянов и просвещение мордовского народа / П. Кузнецов, В. Лашко. – Саранск, 1981.
13. Материалы по земскому общественному устройству. – СПб., 1885. – Т. 1.
14. Мордовия, XX век: Культурная элита. – Саранск, 2010.
15. Нижегородские епархиальные ведомости. – 1865. – № 2.
16. Никулин, В. И. Пензенское земство / В. И. Никулин. – Пенза, 1996.
17. Отчет И. Н. Ульянова за 1878 г.
18. Отчет Краснослободской земской управы за 1912 г. – Пенза, 1913.
19. Отчет Краснослободской уездной земской управы за 1904 г.
20. Пирумова, Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе / Н. М. Пирумова. – М., 1986.
21. 50 лет жизни Нижегородского земства. – Н. Новгород, 1904.
22. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – СПб., 1853. – Т. 3.
23. Статистический обзор начального образования Пензенской губернии за 1913–1914 г. – Пенза, 1915.
24. Тамбовские епархиальные ведомости. – 1906. – № 28.
25. Татищев, В. Н. История России с древнейших времен / В. Н. Татищев. Т. 2.
26. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения: в 2 т. / К. Д. Ушинский. – М., 1954. – Т. 2.